

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

УДК 01:001.2

ОПЫТ НОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «БИБЛИОГРАФИЯ»

В.А. Фокеев

(Российская государственная библиотека, г. Москва, Россия)

В статье рассматривается проблема формулировки определения «библиография» и комплекс качеств, образующих новое понятие – постпрото(нео)библиография.

Ключевые слова: информационная коммуникация, интеллектуальный доступ, библиографическое знание, ноосферный феномен, источник информации, постмодернизм

У статті розглядається проблема формулювання визначення «бібліографія» і комплекс якостей, які створюють нове поняття – постпрото(нео)бібліографія.

Ключові слова: інформаційна комунікація, інтелектуальний доступ, бібліографічне знання, ноосферний феномен, джерело інформації, постмодернізм

The problem of formulation of the definition "bibliography" and a complex of qualities forming a new concept of postproto(neo)bibliography is examined in the article.

Keywords: information communication, intellectual access, bibliographic knowledge, noosphere phenomenon, source of information, postmodernism

К настоящему времени насчитывается более 400 определений библиографии, которая квалифицируется как область науки, знания, самостоятельной или вспомогательной вторичной деятельности, как информация, библиографическая продукция (пособия). Дефиниций так много и они так разнообразны, что возникает сомнение в принципиальной возможности удовлетворительного решения этой проблемы. Тем не менее мы выносим на суд профессионального сообщества сформулированное нами **определение**.

Мы полагаем, что **библиография – компонент социокультурного комплекса документированного знания, коммуникации и ценностной ориентации в информационных потоках и массивах, реализующий интеллектуальный доступ к фиксированным источникам информации (текстам, документам, книгам и пр.), отвечающий за формирование и развитие информационной (книжной, библиографической) культуры.**

Как нам представляется, в настоящем определении удалось избежать некоторой односторонности, свойственной предыдущим дефинициям. Это прежде всего касается указания на родо-видовые отношения, метасистему библиографии. Библиография определялась ранее как область научной, идеологической, идейно-воспитательной, информационной, социокультурной, коммуникационной и прочей деятельности, познавательная, информационная инфраструктура и пр. В качестве родовой системы выступали, соответственно, наука, идеология, культура, книга, информация, социальная коммуникация.

Роль библиографии в данных системах мыслилась как сугубо вспомогательная, инфраструктурная, оказывающая некое содействие их развитию.

Какую-то грань сущности библиографии эти определения отражали. Но их гносеологическая слабость заключалась в том, что преувеличивалось, признавалось единственным или преобладающим одно какое-либо качество библиографии (научности или партийности, идеологичности, информационности и пр.), а значение других или не замечалось вовсе, или умалялось.

В предлагаемом нами определении указывается комплекс качеств, образующих библиографию: познавательное, коммуникационное, ценностно-ориентировочное и социокультурное. При этом, наконец-то, определение отходит от идеи пресловутой «вспомогательности»,

возлагая на библиографию вполне самостоятельную задачу, которую не может решить ни одна система, кроме библиографической – самостоятельной или входящей в состав других систем в качестве их компонента.

Длительное время библиография квалифицировалась исключительно как область деятельности благодаря значительной научной активности сторонников деятельностного подхода.

В результате оказывалось, что один из основных терминов библиографической терминотомии – библиография или библиографическая деятельность – оказывался излишним, так как эти понятия воспринимались как синонимы.

Наши исследования привели нас к представлению о том, что библиография не только деятельность, но и одновременно – знание, коммуникация, ценностная ориентация, специфическая культура, и это важное положение нашло отражение в новом определении.

«Принципом отграничения» библиографии от других областей познания, информационной коммуникации, ценностной ориентации, культуры в данном случае является «интеллектуальный (идеальный) доступ» к фиксированным текстам и их идентификация.

Мы придаем термину «доступ» категориальное значение и понимаем его как возможность освоения (в нашем случае документов, документных потоков и массивов, проникновения в них, приведения их в известность, идентификации).

Идентификация документов, их массивов и потоков как составляющая интеллектуального доступа – распознавание источников информации, причем не только на формальном, но и содержательном и оценочном уровнях.

Интеллектуальный или идеальный доступ – доступ на уровне идеального (интеллектуального) образа документа, зафиксированного на языке библиографической информации. Интеллектуальный доступ значительно отличается от непосредственно-документного доступа (например, к книге в открытом фонде библиотеки).

Средство интеллектуального доступа – библиографическая информация (БИ) может содержать такие сведения о библиографируемом тексте, которых непосредственно в нем нет, его оценку, интерпретацию, указывать на многообразные связи с иными текстами, элементами универсума человеческого знания.

Известно гостированное определение, согласно которому **библиография – информационная инфраструктура, обеспечивающая подготовку, распространение и использование информации о фиксированных текстах (документах)**, т.е. библиографической информации. Под информационной инфраструктурой в данном случае понимаются информационные ресурсы, а также совокупность информационных центров, банков данных и знаний, технологий, систем связи, средств библиографической деятельности, обеспечивающие доступ потребителей информации (пользователей) к информационным ресурсам.

Библиографическая информация – категория, которая до настоящего времени используется по предложению профессора О.П. Коршунова в качестве принципа отграничения библиографического от неблиблиографического, в соответствии с которым там, где встречается библиографическая информация (вторично-документальные сведения о книгах в любой форме – указателя, списка, обзора, базы данных и пр.), мы имеем дело с библиографией.

Однако на практике применение БИ как принципа затруднительно и нередко приводит к недоразумениям. Дело в том, что БИ очень часто является компонентом многих текстов основного (научного, популярно-просветительного, производственно-практического, учебного, справочного, литературно-критического и проч.) собственно не библиографического содержания.

На памяти специалистов, например, жаркая дискуссия 1960-х-1970-х гг. о критической библиографии, когда обсуждался, в частности, вопрос, является ли критика (рецензия) библиографическим феноменом.

В любой рецензии есть описание рецензируемой книги (т.е. БИ), но в целом ее нельзя отнести к библиографии, хотя «принцип отграничения библиографического от неблиблиографического» налицо.

Существуют некоторые формы квази БИ, которые не дают возможности идентификации документов и, следовательно, не относятся к библиографии.

Поэтому мы считаем, что использовать в качестве принципа отграничения категорию «интеллектуальный доступ к текстам» (источникам знания, информации и пр.)

правильнее и эвристичнее. Естественно, при этом подразумевается условие такого доступа – библиографическая информация (или библиографическое знание).

С сомнением мы относимся и к определениям, в которых библиография квалифицируется как метод, а в качестве ее главной задачи называется структурирование документальных потоков и массивов.

Библиография не только метод, но и знание, и феномен науки, культуры, средство коммуникации, ценностной ориентации и пр. Структурирование – важный момент библиографической деятельности, но промежуточный (наравне с такими, как библиографическое описание, доведение БИ до пользователей и пр.), а исходная цель библиографии, как мы утверждали выше, интеллектуальный доступ.

«БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КВАДРАТ» КАК ФОРМУЛА ПОНЯТИЯ «БИБЛИОГРАФИЯ»

Изучение и сопоставление различных определений библиографии и представлений о содержании данного понятия привело нас к идее «библиографического квадрата».

В последние годы чаще всего библиография определяется как деятельность, информация, культура, социальный институт, соответственно, с позиций деятельностного, информационного, культурологического, социоинституционального подходов.

С точки зрения **деятельностного подхода**, библиография, разновидность деятельности, связанной с идентификацией документов, обеспечением интеллектуального доступа к ним, – это библиографическая деятельность (**БД**) – **деятельность по обеспечению интеллектуального (идеального) доступа к источникам знания библиоинформационными средствами**.

Разработчики данного подхода заявляют, как правило, категорически, что «библиография» и «библиографическая деятельность» – синонимы (библиография – это библиографическая деятельность) и что компоненты БД – цели, субъекты, объекты, процессы, средства, продукты (результаты) – охватывают все библиографическое», ибо деятельность – двигатель и условие развития человеческого общества

Согласно **социологическому подходу**, библиография – библиографический социальный институт (БСИ) – частный социальный институт одного из основных (базовых) СИ - интеллектуального, ноосферного, социокоммуникационного, социокультурного института.

Социологический подход четко описывает библиографию в форме социального института, направленного на духовное жизнеобеспечение общества, а деятельность, знание, культура есть лишь компоненты БСИ. Выходит, что библиография – это социальный институт

В соответствии с **когнитивно-информационной позицией**, библиография - библиографическое знание (БЗ) – компонент знания, ноосферы (сферы разума, интеллекта, знания, «духовная оболочка» земли) или (информация, (БИ) – компонент инфосферы.

Главное в библиографии («принцип отграничения библиографических явлений от неблиблиографических») – библиографическое знание и/или библиографическая информация, по отношению к которой все компоненты, составляющие библиографию, вспомогательные. Следовательно, библиография – это библиографическая информация, т.е. информация, идентифицирующая источники знания, реализующая интеллектуальный доступ к ним (или библиографическое знание – знание об источниках знания – фиксированных текстах, а также связанных с ними явлениях). В широком понимании, которого придерживается ряд специалистов, библиографическая информация включает в свой состав и библиографоведческую информацию (о библиографии) и соответственно – библиографическое знание – знание о библиографии (библиографоведение).

В **культурологическом понимании библиография** – библиографическая культура (БК) – компонент культуры. Культурологи утверждают также, что объемы понятий «библиография» и «библиографическая культура» равны, т.е. библиография – это библиографическая культура, качественный уровень библиографии, достигнутый в том или ином социуме.

Выходит, что описать библиографию можно только однозначно, безусловно став на платформу одного из подходов. Однако всегда остается **«нечто»**, не охваченное любым подходом, какой-то «остаток», который мешает безусловному триумфу каждого из означенных подходов и, соответственно концепций, школ. Упрощенно говоря, библиография – это деятельность и

еще нечто (например, отчужденное от деятельностного процесса «опредмеченное» библиографическое знание, мир знания (информации) или это информация, но взятая в каком-то определенном (например, в системно-деятельностном) контексте и т.д.

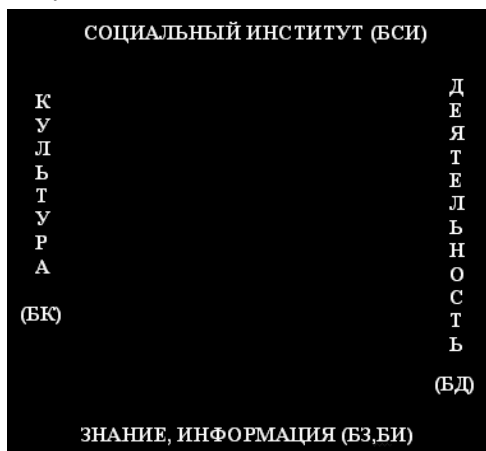
Таким образом, логически непротиворечивой, целостной, гармоничной картины библиографического мира в традиционной теории библиографии не получается. Выход мы видим в одном – применении принципа дополнительности. Согласно этому принципу, предложенному Н. Бором, внутри «единого мира» существуют предметы, описываемые то одним, то другим принципом (классический пример – в физике – волновым и корпускулярным). Иначе говоря, объект может быть осмыслен только при наличии логической оппозиции.

Это парадокс не действительности, онтологии, а теоретического мышления. Всеобъемлющая теория, как бы примиряющая все точки зрения, должна уметь парадоксально соотноситься сама с собой, сочетая оспаривающие друг друга логические тотальности.

При этом соперничающие теории существуют только при взаимном дополнении. Один подход к библиографии в соответствии с данным принципом только тогда и возможен, когда он дополняется другими.

Согласно принципу дополнительности, **библиография, это нечто целое, объединяющее библиографическую деятельность, культуру, информацию (знание), социальный институт.**

Таким образом, мы приходим к правомерности конструирования «библиографического квадрата».

Если уместна аналогия «библиографического квадрата» со знаменитым «черным квадратом» К. Малевича, то они сопоставимы по загадочности и сложности осознания, неопределенной таинственности. Каждая сторона «библиографического квадрата» тяготеет к самостоятельности, поглощению всех остальных аспектов библиографии, которые представляются подчиненными главной, выделенной в названии «ведущей» стороне.

Мы утверждаем, что названными сторонами континуум библиографии исчерпан. Правда, исследователи предлагают и некоторые другие варианты, определяя библиографию, например, как метод (М.Г. Вохрышева, Н.А. Сляднева) или процесс (В.П. Леонов). Но метод и процесс являются компонентами более широкого явления-деятельности. В истории библиографии известно определение библиографии как библиографических пособий.

Однако понятно, что пособия – способ существования и функционирования библиографического знания (информации) – входят в информационно-знаниевую ипостась библиографического квадрата.

Проведенный нами анализ, таким образом, подтверждает правомерность определения библиографии как ноосферного феномена с указанием на ее принадлежность к входящему в ноосферу социокультурному комплексу средств познания, коммуникации и ценностной ориентации в мире источников знания (информации).

БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В БИБЛИОГРАФИИ В КОНТЕКСТЕ НООСФЕРЫ, НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ПОСТМОДЕРНИЗМА И ПОСТНЕКЛАССИКИ

Библиография во всех своих ипостасях – явление динамичное, интенсивно развивающееся. Для её развития характерна эволюция. Однако в истории библиографии наблюдались и революционные явления, которыми были ознаменованы переходы к новым этапам информационно-библиографической культуры. Подлинной революцией является, например, переход от рукописного к полиграфическому этапу развития информационной культуры. Конец XX – начало XXI вв. в сфере библиографии также ознаменовались революцией, которую можно назвать бархатной.

На фоне грандиозных социальных и технологических потрясений конца XX – начала XXI вв. бархатная революция в библиографии прошла почти что незамеченной.

Революционность происходящих в сфере библиографии изменений не вызывает сомнений. Данную революцию прежде всего можно определить как технологическую. В частности, в связи с этим мы предложили для обозначения современного этапа развития библиографии термин «постпрото(нео)библиография» [2, с. 10]. Профессор М.Г. Вохрышева обьявляет наш подход непродуктивным и иронически восклицает: «А всего лишь речь идет о том, что меняющиеся технологии ставят библиографию в новые условия. И только-то!» [1, с. 171]. Как мы увидим далее, не только об этом идет речь, но в значительной степени об определяющей роли технологии тоже.

Было бы неправильно умалять значение для истории человечества технологических, научно-технических факторов. Именно научно-технические революции обозначали границы исторических этапов, отличающихся один от другого и номенклатурой, ассортиментом (что производится?), и технологией производства (как производится?).

Новые технологии конца XX – начала XXI вв. существенно преобразили облик библиографии, сделали ее качественно иной, хотя основная ее миссия – обеспечение интеллектуального доступа к источникам знания (информации к ноосфере) осталась неизменной. Именно понятие ноосферы в современных представлениях о библиографии и ее метасистемы становится ведущим.

Ноосфера (по представлениям о. Павла Флоренского, пневмосфера – духовная оболочка земли) – сфера разума, знаний воспринимается учеными как сущность, некая вещь, реальная и телесная в той степени, в которой телесна и реальна интегрированная мысль человечества. И в то же время ноосфера определяется как теоретический конструкт как своеобразная научная метафора, описание высшей формы организации человеческого разума. По представлениям философов, она подобна древнему хрустальному небосводу с прикованными к нему светильниками – научными и философскими концепциями, легко обозреваемыми мысленно.

Ноосфера – экран, на который проецируется общекультурный художественно-научный гипертекст, поле смыслов, задача которого демонстрировать человеческое мировосприятие.

Библиографическое знание в контексте ноосферы – ее конструкция, способ организации. Гипертекстовый подход к библиографии революционен и результативен.

Благодаря новым технологиям неизмеримо повысились уровень библиографической деятельности, ее качество, скорость генерирования и распространения библиографической информации (БИ). Исполнилась тысячелетняя мечта человечества: преодолены пространственный и временной информационно-коммуникационные барьеры, благодаря чему достигается голографический эффект БИ («любая информация в любое время с любого технически оснащенного места»), в значительной мере разрушены и другие барьеры – национально-этнический, государственный, конфессиональный, классово-идеологический, партийно-политический (и прочее).

В результате научно-технических революций библиография существенно стала иной. Расширилась объектная сфера библиографии за счет знаографии, документографии, медиографии, видеоаудиографии, фильмографии, идеографии, смыслографии, изографии, интернетографии (Н.А. Коряковцева). Новейшая библиография вобрала в свою сферу весь универсум источников знания (информации).

Несомненно, достижение этих целей, невиданное повышение эффективности, переход от кустарного, мануфактурного библиографического производства к постиндустриальному состоянию социально-информационной сферы – это революционный скачок, истинная революция, но не только технологическая, а и социальная.

Это относится прежде всего к отечественной библиографии, которая была большую часть XX века авторитарной, жестко управляемой партийно-государственными структурами, PR-ом которых фактически занималась. Авторитарное управление БД сменилось во многом ее самодвижением, саморазвитием, самоорганизацией на базе принципов синергетики. Достойное применение в современной библиографии находят рыночные отношения и механизмы.

В настоящее время вследствие технологических и демократических преобразований круг субъектов библиографической деятельности во много раз расширился. Сейчас практически каждый пользователь локальных и глобальных электронно-информационных сетей может генерировать и распространять в электронной среде библиографическую информацию.

Коллективными субъектами БД ныне являются не только правящие партэлиты, а все структуры гражданского общества, обеспечивающие библиографическую поддержку решению актуальных социальных проблем, среди которых почетное место занимает реализация национальной идеи (М.М. Панфилов). Библиографические учреждения выступают в качестве равноправных партнеров различных государственных и общественных организаций, в частности партий.

Библиография перестала быть «служанкой», «вспомогательным средством», «винтиком». В результате бархатной революции она стала значимым компонентом всех социальных сфер, прежде всего культуры, науки, издательского дела, искусства, и развивается во взаимодействии с ними в общем русле информационных процессов, в частности процессов постмодернизма.

ПОСТМОДЕРНИЗМ – совокупность тенденций в современной культурной практике и самосознания человечества, в научно-художественной культуре XX в., связанных с радикальной переоценкой ценностей авангардизма, с пересмотром кардинальных предпосылок европейской культурной традиции. относящейся к прогрессу как к идеалу и схеме истории, эталонов социально-экономического обустройства, главной задачей которого считалась неуклонность прогресса и повышения материальных благ.

Постмодернизм подвергает критике «книжную культуру», «переворачивает» привычные представления о мире, о культурной деятельности, ее различных сферах, сторонится «тотализирующих» моделей и связан со сменой познавательных парадигм, пересмотром принципа субъекта как центра и источника системы познавательных представлений, со становлением «бессубъектной» философии.

В философии постмодернизма декларируется открытость, отсутствие жестких иерархий, асимметричных оппозиционных пар. Сняты прежние эстетические табу, все разграничения между «высоким» и «низким», прекрасным и безобразным. Отвергнута возможность преобразования жизни с помощью искусства, как утопическая. Представители постмодернизма приняли бытие таковым, как оно есть, и, сделав искусство предельно открытым, наполнили его не имитациями или деформациями жизни, но фрагментами реальных жизненных процессов. Они исходят из представления о неизбежной вторичности искусства, художественного факта.

Постмодернизм сознательно реализует стратегии игры, иронии, цитирования; широко использует цитаты из общеизвестных произведений минувшего и отличается полистилистичностью. В постмодернизме усиленное внимание уделяется экранной культуре, подчеркиваются ее черты, благодаря которым стираются различия между истиной и ложью, сливаются в виртуальном пространстве реальность (действительность) и фантазия.

Мы видим, что установки постмодернизма вступают в прямое противоречие с рекомендательно-управленческой направленностью, аксиологическими ориентирами традиционной библиографии.

Платформы постмодернизма и постнеклассической науки обуславливают такие черты общественного, в частности научного сознания, как полиметодологизм, полипарадигмальность, полистилистичность, полиметодологизм, толерантность, коммуникативность, диалогичность, плюрализм идей, языков, моделей, методов; субъективность, поливариантность, множественность научных подходов, осознание релятивности как онтологического принципа, интерес к герменевтической категории понимания, к процессуальности, анализ науки как культурного феномена, разнородность, комплексность, диалогизм, персонализм, гуманизм. Выдвигаемые в постмодернизме идеи о «смерти автора», исчерпанности феномена авторства в культуре актуальны применительно к электронному библиографическому пространству, где проблема авторства стоит очень остро.

Наше время характеризуется возвратом к энциклопедизму, универсализму, глобализму, но уже на качественно новом витке развития. Глобальная научно-библиографическая картина мира – отнюдь не «Универсальная библиография» Геснера, это качественно новое явление.

Возникают вопросы: как в настоящем и будущем соотносятся, взаимодействуют направления, виды библиографии, такие как универсальная, комплексная, отраслевая, тематическая, глобальная (мировая, всемирная, международная), региональная, национальные (и прочие).

В связи с переоценкой ценностей в постмодернизме и постнеклассике, какие перспективы ожидают рекомендательную библиографию? Как строятся научно-информационные сис-

темы на базе библиографического общения на основе книги, диалога, учета принципов гуманизма, персонализма, плюрализма?

Особенно важен тот отмеченный нами выше факт, что настоящая революция в библиографии – бархатная. В ее ходе фактически ничего не было разрушено, отброшено, за исключением идеологической надстройки и некоторых кустарных методик, несовместимых с современным уровнем НТП. В пространстве постпрото(нео)библиографии органично вошли, согласно принципам эволюции, многие компоненты классической библиографии – продукты, методики, техники, традиции, этические профессиональные нормы, системы (библиографические пособия в форме картотек и изданий и пр.) библиографических центров, основные теоретико-методологические основания и прочие. Именно это обстоятельство «затушевывает» принципиально новые явления, кардинальные перемены, которые привели нас к идее постпрото(нео)библиографии.

Литература

1. Вохрышева М.Г. Теория библиографии / М.Г. Вохрышева. – Самара: Изд-во СГАКИ, 2004. – 368 с.
2. Предмет дискуссии – постпрото(нео)библиография XXI века // Мир библиографии. – 2005. – № 6. – С. 2-13.
Из содерж.: Зайцева Л.Н. Вступительное слово на заседании "круглого стола". – С. 2–3; Фокеев В.А. В контексте постмодернизма и постнеклассики. – С. 5-7; Соколов А.В. Научная формула современной библиографии. – С. 8-10; Ядрова Г.В. Новый термин как импульс к развитию библиотечной отрасли. – С. 11-13.
3. Фокеев В.А. Природа библиографического знания: Монография / В.А. Фокеев. – М.: Изд-во РГБ, 1995. – 352 с.
4. Фокеев В.А. Постбиблиография начала XXI века / В.А.Фокеев, Ю.В. Нестерова //Библиотечное дело – 2003: Материалы восьмой международной научной конференции – М., 2003. – С. 92-93.